

которому нѣтъ равныхъ. Даже въ Никоновской лѣтописи и разрядныхъ книгахъ объ этомъ не говорится ничего.

Имѣющее для насъ весьма важное значеніе повѣствованіе о чудесахъ отъ иконы Знаменія подробно изложено только въ *Повѣсти*. Даже въ упомянутой нами раньше „Исторіи о городѣ Курскѣ“, изданной еще въ прошломъ столѣтіи, и составленной на основаніи разныхъ рукописей, а также рукописнаго лѣтописца, въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ находящихся чудеса отъ иконы Знаменія изложены *весьма кратко*.

Д. И. Багалъй указываетъ на то, что *Повѣсть* о явленіи чудотворныя иконы заключаетъ въ себѣ такіа данныя, которыя *совершенно измѣняютъ* нѣкоторыя прежде установившіяся мнѣнія въ исторической литературѣ, напр., о послѣдствіяхъ Батыева нашествія. Именно прежде полагали, что послѣ нашествія Кіевская и Сѣверская области лишились всего своего населенія. *Повѣсть* же утверждаетъ, что край не обратился въ совершенную пустыню. Здѣсь бывали промышленники, ловившіе звѣрей и птицъ. Такое извѣстіе *Повѣсти* согласуется и съ общимъ ходомъ древнѣйшей южно-русской исторіи и находитъ себѣ соотвѣтствіе въ нѣкоторыхъ памятникахъ южно-русской народной поэзіи.

Затѣмъ, нельзя не замѣтить, что *Повѣсть*, какъ мѣстноисторическій памятникъ должна быть поставлена на первое мѣсто; такъ какъ другого памятника, не только равнаго ей, но даже и приближающагося или болѣе или менѣе сходнаго по значенію мы не имѣемъ, и, по всей вѣроятности, имѣть не будемъ. Такимъ образомъ въ историческомъ повѣствованіи о Курскомъ краѣ и Курской епархіи „Сказаніе о чудесахъ Пресвятыя Бо-